

В поисках настоящего здоровья

Трудно сказать, формулировали ли древние понятие здоровья в его современном смысле. Но сегодня становится очевидным, что предупредить болезнь стратегически важнее, чем пытаться справиться с ее проявлениями и последствиями. И в профилактической медицине понятие здоровья выходит на первое место.

Кажется, за профессиональной медициной будущее. Ведь лечебную медицину издавна подозревают в стремлении эксплуатировать болезнь, удерживать пациента в состоянии болезни. А профилактическая медицина сориентирована на достижение и сохранение здоровья.

Всемирная организация здравоохранения дает такую формулировку: «Здоровье – это состояние полного физического, психического, социального и духовного благополучия».

Перед нами холистическое, собирательное, инклюзивное представление о здоровье. Утверждающее, что здоровой может быть только вся личность во всех ее аспектах – ее тело, внутренний мир, окружение и духовность. И только комплексное **в**идение, понимание целостности, взаимосвязи всех сторон человеческого естества, взаимодействие этих сторон, увязывание их в гармоничное целое дает надежду на достижение и сохранение настоящего здоровья.

Есть ли аналоги такому взгляду в европейской изобразительной традиции? Когда мы смотрим на визуальные произведения Античности, Средних веков, Нового и Новейшего времени, то замечаем несбалансированный взгляд на сущность человека. В разные эпохи гипертрофируются одни компоненты человеческой личности и затушевываются, а то и отрицаются, другие.

В основе этого дисбаланса лежит антропологический дуализм Платона как парадигмальное противоречие европейской цивилизации. Вера в антагонизм двух начал в человеке мешает

европейцу видеть себя и других целиком. Это утверждение дисбаланса тела и души, физиологии и внутреннего мира.

Древняя Греция и Древний Рим сосредоточены на воспеании физического здоровья. В скульптуре Греции преобладают пластичные формы и эстетика.

Восходящая к этой культуре норма обнаженного тела выявляет такую тенденцию. Греку хочется видеть совершенное тело – сильное, безупречно красивое, в любом возрасте молодое и сексуально привлекательное.

Сильное тело в греческой культуре проявляет себя в агрессии и жестокости, и в первую очередь к себе подобным. Торжества над физическим и животным миром недостаточно; необходимо возвыситься над социальным окружением.

Стремление к репродуктивному здоровью достигает крайности в сценах оргий, изнасилований, гомосексуальных связей, в том числе с детьми, секса с близкими родственниками. Количество половых актов служит самодостаточным свидетельством здоровья.

Визуалистика Древнего Рима – это проповедь силы и мощи. Перикл и Коммод, Каракалла, Александр Север воплощают эту военно-политическую эстетику лидера, стратега.

При этом в Античности нет понятия о духовном здоровье индивида. Человек овнешнен, он эффектно выглядит – и не более того.

Сцены насилия в древнеримской культуре подаются сдержаннее, но гомосексуальные отношения, особенно в системе образования, для Древнего Рима становятся нормой. Тогдашний аналог легализация проституции приводит к появлению класса гетер, и возникает тезис, якобы отношениями с такими женщинами полезны для здоровья.

Средневековье бросается в другую крайность. Здесь идеал – духовное здоровье, но ценой нивелирования физических форм.

Иконы, статуи, книжные иллюстрации, позже живопись исключают физическую привлекательность и совершенство телесности, вместе с ним отбрасывая важность бодрости, хорошего самочувствия и долголетия.

Символ духовности – аскет, монах. Лица плоские. Живые только глаза. Губ как признаков чувственности практически нет. Морщины как символ сосредоточенности изображают даже у молодых людей. Такая святость – это не только альтруизм, мученичество, живое воображение, моральное сознание, подвижничество, но и самобичевание, пренебрежение к базовым потребностям тела, неумеренные посты и антисанитария.

Ренессанс знаменует возврат к язычеству и проповедь чувственной любви. Человек той эпохи жадно срывает цветы удовольствий, пытается всё успеть, всё увидеть, попробовать, везде побывать. Ненасытность, экспансионизм, попрание моральных устоев во имя личной свободы, жажда золота и власти получают, наконец, свободу от церковных канонов и страха перед Божьим судом (см., например, картину «Послы» Ганса Гольбейна).

Эпоха Просвещения приносит культ душевного здоровья. Образование и разум воспринимаются как сущность человека. Идеологи того времени изображены читающими и исследующими. Происходит накопление и систематизация знаний, скепсис кажется универсальной познающей позицией, общественная мораль движется в сторону самодисциплинирования человека. Поразительные успехи науки и технологии создают впечатление всемогущества человеческой способности преобразовывать мир и себя.

Новейшее время приносит разочарование в рациональных способностях человека, усталость от общественных моральных норм, новую волну либерализации жизни («Герника» Пабло Пикассо). Отсюда переоткрытие роли тела и внешности, сексуальные революции, эксперименты с семьей, легализация ЛГБТ-сообщества. Человек понимается либо как товар, либо как потребитель («Четыре Мэрилин Монро» Эдди Уорхола).

В социальном здоровье постмодерн также имеет проблематичные эффекты. Если каждый человек сам для себя вырабатывает для себя систему ценностей, тогда, например, врач будет лечить только того пациента, который ему экономически интересен. А медицинское образование порождает конкурента врача. Поэтому возникает вопрос, а надо ли делиться своим опытом с молодыми коллегами.

Итак, в контексте двух тысячелетий европейской изобразительной традиции поиск настоящего здоровья остается насущной задачей. Гармоничная, сбалансированная личность – по-прежнему малодостижимый идеал.

Для движения к нему цивилизации и медицине как ее важнейшей части нужно видеть всего человека, видеть ценность всех аспектов его сущности. Лечить не болезнь, а больного.

Максим Балаклицкий

Доклад на Втором съезде историков медицины Украины с международным участием (Харьков, 23 октября).